

ΕΠΕΡΙΑ ΡΟΜΑ



Елена Рома

Рай: правила выживания

«ИП Стрельбицкий»

Рома Е.

Рай: правила выживания / Е. Рома — «ИП
Стрельбицкий»,

Мария Афонасьева - оперативник особого отдела Управления внутренней безопасности Земли. Она умна, привлекательна и привыкла брать от жизни все. Работа Марии – ловить преступников, обычных земных убийц, воров, мошенников и аферистов. Но однажды ей досталось странное дело о похищении, которое оказалось совсем не похищением. И как не пытался начальник прикрыть свою оперативницу, теперь ей придётся работать на конкурентов – Секретную службу. И столкнуться не только с инопланетными формами жизни, но и... с жизнью в ином теле. А любовь - ну, куда же без нее? Любовь Мария найдет там, где, казалось бы, нечего и искать.

Содержание

Часть 1. Нет тела – нет дела	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Рома

Рай: правила выживания

Не столь отдалённое будущее. Человечество после бурной эры Астрономических открытий освоило космос и наладило контакты с представителями инопланетного разума. Одной из первых была «открыта» планета Астразета-R-альфа-1i – Рай, как тут же окрестили её вездесущие журналисты. А еще «Зелёная планета», «Цветущая планета». Ведь цивилизация Рая пошла по биологическому пути развития – пути единения с природой. Сначала техногенных землян больше заинтересовали достижения высокоразвитых каролов из системы беты Кита и стайпов – старейших и мудрейших жителей Вселенной. Но аборигены «Зеленой планеты» мьенги и сами не стремятся расширять контакты. Попасть на Рай – редкая удача, исключения возможны лишь для ученых-биологов.

Капитан Управления Внутренней безопасности Земли Мария Афонасьева отнюдь не биолог и о Рае не мечтала. Работа Марии – ловить преступников, обычных земных убийц, воров, мошенников и аферистов. Но однажды ей досталось странное дело о похищении, которое оказалось совсем не похищением. И как не пытался начальник прикрыть свою оперативницу, теперь ей придётся работать на конкурентов – Секретную службу. И столкнуться не только с инопланетными формами жизни, но и... с жизнью в ином теле.

Часть 1. Нет тела – нет дела

Я сидела на подоконнике в своем кабинете и ощипывала цветки с куста бальзамина, который рос здесь не иначе, как чудом. Крохотное растение вместе с горшком принес кто-то из стажеров – сейчас уже и не вспомню, когда и кто... Месяц кабинетной работы явно отрицательно сказался на когнитивных функциях моего мозга. Для меня, ведущей оперативницы особого отдела, лучшего наказания и быть не могло. И все об этом знали. В том числе – вернее, в первую очередь – непосредственный начальник, полковник Герасименко.

На последнем совещании с моим участием он плевался ядом и шипел, как гадюка, поскольку я имела неосторожность без его санкции взять Батрышкина, громкое дело о фиктивном похищении которого сейчас широко освещалось прессой. Весь месяц я писала отчеты и развлекалась на рабочем месте с бальзамином, потому как покидать пределы кабинета не могла. Начальник – чтоб ему в Дисциплинарную Коллегию попасть! – приказал выводить на меня все контакты с этой самой прессой... А они случались с удручающей регулярностью.

И опять – видеовывоз. Я неспешно встала с подоконника, зажав в горсти цветки несчастного бальзамина, расстегнула лишнюю пуговку на форменной блузке и приготовилась отвечать на очередную порцию неудобоваримого бреда, регулярно генерируемого журналистами ведущих изданий и каналов. Становиться публичным лицом я не собиралась, поэтому пусть лучше запомнят высокую грудь, длинные каштановые локоны и зеленые линзы, чем срисуют мою настоящую внешность.

На самом деле фигура у меня не такая «фигуристая», попробуйте-ка побегать за преступником, да просто побегать с эдакой грудью! Неудобно. И сдать норматив по борьбе тихо с длинными волосами, когда третье «ей-ё» судьи уже означает поражение... Это только в ретро-фильмах девицы из спецслужб эффектно трясут роскошной шевелюрой, а потом ее обязательно используют в сцене драки с отрицательной героиней. Зрелищно, но неэффективно, так что стрижка у меня экстремально короткая, почти мужская.

Тело же вполне женское, пусть плечи и немного шире, чем положено по стандартам. Зато тренированное и сильное, а мышцы внешне не заметны благодаря специально разработанному персонифицированному комплексу тренировок. Я не жалею, мое тело – мое оружие. Впрочем, мужчинам нравится. Им нравятся и мои большие карие глаза, и ухоженная кожа, и длинные ноги, и... однако, надо ответить на вызов.

На сей раз я была приятно разочарована. По ту сторону монитора на меня смотрел генерал Светличный. Тот самый Светличный, который возглавляет наше Управление. Я вытянулась в струнку.

– Товарищ генерал, капитан Афонасьева...

– Вольно, капитан. Герасименко тут жалуется на тебя. Что опять натворила?

– Ничего, товарищ генерал. Действовала строго по уставу внештатных ситуаций.

– Вот это-то и смущает... Капитан, как смотрите на перевод в пресс-центр? Вы отлично справляетесь с этими акулами клавиатуры и стервятниками внешних камер, я доволен.

– Товарищ генерал!

Глаза вдруг защипало.

– Отставить слезы, капитан! – рявкнул Светличный. – Пожалуй, в пресс-службе вам самое место. Оперативники не плачут!

Я собралась. Он просто меня прощупывал! Точно, этот месяц вынужденного бездействия сделал из меня натуральную истеричку!

– Есть отставить слезы.

– Ну, другое дело, – отечески улыбнулся генерал. – Но вынужден огорчить, капитан Афонасьева с завтрашнего дня уходит в отставку по состоянию здоровья.

Он сделал паузу. Я преданно пялилась в монитор, что полностью удовлетворило генерала, поскольку он продолжил:

– А сегодня вы, капитан, сдаете дела старшему лейтенанту Киму и вылетаете на орбитальную базу «Рассвет». Поступаете в распоряжение подполковника Раслея. Вопросы?

– Никак нет, товарищ генерал!

– Выполняйте.

– Есть выполнять!

Окошко видеовызова свернулось, а в дверь уже стучали – наверняка Ким.

Вечером я наслаждалась кофе в каюте пассажирского лайнера «ВФ-15», или, на нашем жаргоне, «вафли». Разумеется, не одна. Не в моих правилах отказываться от хорошей компании, навязанной, впрочем, столь явно. То ли прощальный «подарок» от Герасименко, то ли, наоборот, приветственный от Раслея. В любом случае я теряться не собиралась.

Интерьер лаконично-изысканный, преобладающий цвет – синий, отделка оттенка хромированной стали, а все синтетические – синтексные – материалы наивысшего качества. Весьма привлекательный мужчина, одетый в форму Космофлота, смотрелся тут очень гармонично. В неофициальной обстановке он представился просто Джоном. Ну, когда покажешь, на что способен, Джон? Впрочем, в его темных глазах периодически мелькало предвкушение, так что, думаю, он мыслил в унисон со мной.

Мужчины в форме Космофлота – моя слабость. Темно-синяя строгая форма с серебристыми вставками и кантами сама по себе сексуальна, а содержимое редко отстаёт от упаковки. Этот исключением не был. Рост – метр девяносто – девяносто два, телосложение спортивное, волосы темные, короткостриженные, лицо... Расслабься, Мария, приятное лицо.

Разговор на заданную тему тек свободно, хотя сама тема... раздражала безмерно. Герасименко выдал мне на прощанье убийственную легенду – дескать, я беременна и лечу на «Рассвет» выяснять отношения с отцом ребенка. И по тому же поводу увольняюсь со службы. Бред! Ну, ничего. Земля круглая... А космос не столь велик, как это полагали до эпохи Великих Астрономических открытий. Встретимся. Спускать такое унижение... Или я не Мария Афонасьева?

Когда мы с Джоном перешли от кофе к поцелуям, он уже от души сочувствовал моему новому начальнику, из чего я сделала вывод, что «подарок» все-таки от Раслея. Но пока мы еще не являлись сослуживцами. И значит, могли зайти значительно дальше поцелуев.

И мы зашли. И еще раз. И еще. Потом... смутно помню, как Джон одевался... Затем – провал. Пришла в себя я в маленьком помещеньице – кажется, медотсеке, во рту было сухо, глаза слезились, в голове плавал туман. Этот мерзавец подмешал мне что-то в кофе? Но... зачем? И почему яд не обезвредили мои импланты?!

Управление не экономило на безопасности сотрудников: наноустройства, мгновенно синтезирующие антитела к отравляющим веществам и антитела к разного рода инфекции, стояли у каждого. У меня, например, было два детоксиканта. Один от биологических ядов, другой – от синтетических. Что же подсунул Джон??!

Сфокусировать взгляд на каком-то темном предмете удалось с трудом... Это был датчик, прилепленный к моей руке. Содрав его, попыталась сесть. Оказалось, что я вся обмотана проводами, ведущими к пульту, из которого уже раздавался противный, вынимающий всю душу, писк.

В отсеке тут же появился мужчина в маске на пол лица и стерильной (я этого знать не могла, но очень надеялась) медицинской робе.

– Вставать запрещено, – выдал он и с легкостью управился с моим ослабевшим телом, вернув его в горизонтальное положение.

Следом в отсек проскользнул... Джон. В чем я просчиталась? Неужели он... враг?! И как же мерзко, оказывается, чувствовать себя полностью беспомощной в присутствии... раскрытого преступника! Ей-ё, Мария, соберись! Я сделала вид, что расслабилась и опустила ресницы.

Короткий тихий смешок ясно дал понять, что мой маневр замечен, и я снова взглянула на Джона. Тот нарочито медленно раскрыл ладонь, она как раз была на уровне моего лица, и... продемонстрировал «тающую» татуировку. Особый знак. Объемную голографическую звезду. Подделать такую невозможно, технология используется только Секретной службой. Он подтвердил, спокойно представившись:

– Майор Крон, Секретная служба.

Трижды ей-ё. Очутиться в лапах конкурирующей организации... Герасименко позло-радствует.

– Я... попала в разработку?

– Соображаешь, – в его тоне были слышны одновременно и удовлетворение, и ирония. – Скажу больше – я тебя убил.

– Яд? Но у меня же импланты?!

– Да-да. Вот поэтому весь обратный путь ты проведешь в медотсеке. Потребовалась тройная доза.

– Но... Как? Я не понимаю! И чем я помешала Секретной службе?

– Все вопросы задашь руководству. Хотя... Жаль мне тебя. Так и быть. На вопрос «как» отвечу, – и он достал из кармана все той же, космофлотовской, формы початую упаковку презервативов.

У меня округлились глаза. А они там, в Секретной службе, затейники... Крон ухмыльнулся и, склонившись надо мной, прошептал:

– При случае повторим.

Думаю, что моя ответная ухмылка вышла совсем кривой... Не-ет, я уж как-нибудь обойдусь без секретчиков, так мы в Управлении называли сотрудников Секретной службы, с их специфическим арсеналом! В голове еще плавал туман, но желание никогда больше не встречаться с майором помогло прогнать слабость.

Крон давно ушел, а я все размышляла. И робко надеялась всего лишь на дисциплинарное взыскание. Потому как не могла себе даже вообразить, что попаду в чужую оперативную разработку. Светличный опять скажет, что мне место в пресс-службе... И будет прав. Позорище! Так проколоться!

У нас, в Управлении безопасности, все было гораздо проще. Мы всегда могли провести грань и четко знали: здесь – свои, а здесь – преступники. Своих надо было прикрывать, а преступников – ну, понятно же? – ловить. Иногда это получалось лучше, иногда – чуть хуже, но у меня была самая высокая раскрываемость в отделе. Я заслуженно гордилась. И делом Батрышкина гордилась тоже. Еще бы, ведь не так легко доказать, что никакого похищения не было, а была лишь талантливая инсценировка...

Стоп. А не связано ли это с... Неужели?! Вот почему так злился Герасименко... Но тогда получается, что любимое руководство сдало меня с потрохами! Ведь на «вафле» я оказалась по приказу Светличного...

И, следовательно, Секретная служба... Нет, даже думать об этом не хочу! Но, увы, не думать не получалось. Про секретчиков ходили легенды – люди без лиц, для которых нет ничего невозможного... Ну да... С такими-то методами! Их не любили, и я теперь абсолютно точно знала, почему. Они вмешивались абсолютно во все сферы жизни Земли, если имелось хоть малейшее подозрение скрытой угрозы для планеты в совсем невинных с первого взгляда делах. И, если судить по слухам, не только Земли.

Говорили, что сам Стас Андронник, вытащивший практически из небытия группу Сандерса, пропавшую без вести на Кси-2-эпсилон, а найденную у каролов, был секретчиком. И если то было правдой, человечество знало в лицо всего двоих представителей этой службы – его и генерала Шектеля, который совмещал руководство ею с работой Советника по безопасности Президента Земного Союза.

Про него говорили с оглядкой и шепотом. И иногда те, кому я могла без сомнений прикрыть спину, тихо судачили, что де Президент – всего лишь пешка Шектеля. Как там оно на самом деле – лично мне неинтересно. Сейчас бы со своими проблемами разобраться...

В этот момент в отсек вернулся верзила в медицинской робе. Посмотрел на датчики, на меня... и нажал на что-то в своем пульте. Я опять провалилась в черноту.

Второй раз пришла в себя в просторной светлой комнате, правда, опять обмотанная проводами и трубками. Но в значительно улучшившемся состоянии. Судя по пейзажу за окном, я снова на Земле. И, скорее всего, у секретчиков. Но где? На большой город явно не похоже.

– Мария Александровна, – раздалось откуда-то из-под потолка, – как себя чувствуете? Голос женский, тембр приятный...

– Спасибо, хорошо. Я могу встать?

– Секундочку. Бот-331, приступить.

Медицинский бот шустро вкатился из тихо открывшейся ниши и через пару минут освободил меня от трубок и проводов. Уффф. Так гораздо лучше.

– Комната гигиены первая налево, – проинформировал голос. – Что желаете перекусить? Меню – третья снизу опция.

Бот повернулся ко мне анфас, так сказать, я и не знала, что они оснащены такой функцией. Выбрала омлет с овощами, мясную запеканку и суфле с горячим шоколадом. Метнулась в первую дверь налево и... и лишь спустя несколько минут заметила, как тут шикарно. Все рычаги, краники, душевая лейка выполнены в модном нынче стиле ретро, внешне точно копирующем сантехнические удобства начала прошлого века. Даже унитаз не синтетский, а из настоящего фаянса.

Куда меня занесло? Ладно, вроде тут безопасно, так что можно с удовольствием испробовать всю эту красоту на функционал. После настоящего душа – а позволяла я себе его не так часто, ограничивалась ионным – но здесь... Дурой буду, если не воспользуюсь, вода в наше время дорога. Как приятно смыть с себя, наконец, все, что досталось моему бедному телу...

Словом, когда я полчаса спустя, почти счастливая, вышла, интерьер комнаты изменился. У окна стоял круглый стол с заказанным мной... Кстати, чем? Завтраком все-таки или обедом? Кровать исчезла, у стены появился диван. А на диване – незнакомый мужчина. Типичный нордический блондин со светлыми, льдистого оттенка, глазами. Вот все бы хорошо, только после Джона я стала более осторожной.

– С возвращением, Мария Александровна, – сказал он и улыбнулся. – Не возражаете, если я составлю вам компанию?

– Что вы, – я ослепительно улыбнулась в ответ и по-хозяйски повела рукой, – располагайтесь. Я как раз собиралась перекусить.

Вляпалась... Ну, так хоть буду вести себя с достоинством. То, что на мне было одно полотенце, ни меня, ни его, очевидно, не смутило. Сам же визитер был одет в стандартный комбинезон с нашивками капитана. Тип поднялся, и я оценила его рост и худую подтянутую фигуру: опасен как в ближнем бою, так и на дистанции. А дистанцию с такими длинными конечностями держать легко.

– Зои, – сказал он в пространство, – мне кофе.

– Конечно, Бьорг, – тут же откликнулся женский голос.

– А мне бы одеться, – пробормотала я себе под нос, но Зои услышала.

– Первая дверь направо – гардеробная, – сказала она с прежними интонациями, и я заподозрила, что управляет здесь всем искусственный интеллект.

Но инструкции выполнила. Ух ты... Стройными рядами висели платья, блузы, юбки, стояли туфли, босоножки, сандалии и сабо... Не было только формы. Что наводило на определенные мысли. Но моя женская душа радовалась безмерно, и я позволила себе ее потешить. Потому как чуяла, что следующим этапом будет Дисциплинарная Коллегия.

Это не помешало мне насладиться ощущением чистого дорогого белья и выбрать наряд из белой блузки и темно-синей строгой юбки, максимально приближенный, на мой взгляд, к привычной форме. Туфли... ох, если мне отдадут все эти туфли, я, так и быть, забуду про... Нет, не забуду. Или я не Мария Афонасьева?

Когда я вышла к столу, Бьорг уже сидел там со своим кофе. Изящно опустившись на свое место, принялась за омлет. Надо продемонстрировать, что я в отличной форме. И совершенно спокойна за свое будущее. Поэтому я с аппетитом съела то ли завтрак, то ли обед и, лишь принявшись за суфле, спросила:

– Позвольте узнать...

Мужчина все это время разглядывал меня в упор, и сейчас я успела заметить в его глазах... тень разочарования? Впрочем, возможно, я и ошиблась. Ведь я рассматривала его из-под ресниц.

– Конечно, Мария Александровна, – поощрил он меня.

– Который теперь час? А то, понимаете, не привыкла есть вне графика.

– В самом деле?

– В самом деле. Просто меня уже минут пятнадцать мучает вопрос – это завтрак или обед?

– И это единственный вопрос, который вас мучает?

– В настоящий момент? Да.

– Хорошо. Сейчас, – он на миг отвлекся, – без пятнадцати двенадцать. Так что... Ни завтрак, ни обед. Нечто среднее.

– Благодарю вас, – я мило улыбнулась и принялась за свой горячий шоколад.

– Кстати, – сказал он. – Скоро начнутся двенадцатичасовые новости. Не желаете взглянуть?

Конечно желаю! Хоть с датой определюсь, в новостях всегда показывают.

– Взгляну, почему не взглянуть?

– Зои, выведи монитор. И громкость убавь.

– Да, Бьорг.

– У нас для вас есть одна интересная запись, – обратился он ко мне. – Как раз хватит времени перед новостями. Вы готовы?

К чему, интересно? И что будет, если я скажу «нет»? Как будто его интересует мое мнение.

Во всю стену развернулся экран. Хм... А я неплохо смотрюсь. Вот только Джон... портит собой вид. Запись наверняка была длиннее, но мне продемонстрировали практически финал. Всерьез хотят смутить? Чем?! Если бы не этот секретчик, попросила бы запись в архив.

Но, видимо, я чего-то не учла, потому что после того, как «экранная» я отключилась, Бьорг велел Зои прибавить громкость. Смотреть на довольную рожу майора было не очень приятно. Особенно в момент, когда он приподнял мне веко и заглянул в зрачок. А потом еще и брызнул мне что-то в оба глаза. Вот почему они слезились!!!

Потом Крон подошел к стандартному визору, какие были в каждой каюте лайнера, и сделал вызов. Я заинтересовалась.

– Принимайте работу, – сказал он весело. – Готова ваш капитан.

Вместо изображения собеседника на экране была какая-то муть, а потом сильно искаженный голос недовольно проквашал:

– Покажи поближе.

– Может, мне в нее пальцем потыкать? – с прежней веселостью ответил секретчик.

– А что, еще не натыкался? – грубо рявкнул голос. – Веки подними!

– Пожалуйста, – «экранный» Джон подошел к «экранной» мне и выполнил приказ.

Камера резко приблизила лицо. Зрачки на свет не реагировали. Получается, что я действительно умерла?!

– Приложи к груди микрофон! – голос продолжал приказывать, а Джон – выполнять.

«Экранная» я не дышала, сердце не билось. На всякий случай потрогала свое запястье. Жилка трепетала, пульс присутствовал. Как он это сделал?!

– Вам ввели сильнодействующий препарат из группы снотворных, жизнедеятельность организма замедлилась, но, на всякий случай, майор отключил передатчик микрофона.

Я что, спросила вслух?!

На миг отведя взгляд от экрана, Бьорг бросил мне:

– Не отвлекайтесь.

Хорошо. Досмотрим запись до конца. «Экранный» Джон из весельчака мигом превратился в хищника и заявил:

– Деньги. Я жду.

– Перевожу, проверьте счет, – все так же недовольно проквашал искаженный голос.

На этом запись оборвалась и, без малейшей заминки, началась трансляция новостей. Я выдохнула – оказывается, прошло уже три дня с моего увольнения и попытки перебазироваться на «Рассвет» под крылышко Раслея. Почему меня не ищут?

«... Скорбим вместе с вами. Мария была такой талантливой и такой молодой!»

«... Похороны прошли в обстановке глубокой скорби. Речь генерала Светличного трогала до слез.»

«... Преступник, отравивший капитана Афонасьеву, скрылся.»

Что?!! Это – новости?!!

– Это ваши похороны, Мария Александровна, – пояснил мне Бьорг, будто я сама не поняла.

– Разработка доведена до конца? – спросила я жестко. – Тогда почему я еще здесь?

– А вы бы предпочли быть там? В гробу, на собственных похоронах? – вкрадчиво поинтересовался секретчик.

Он что, правда ждет, когда я спрошу: «что же мне теперь делать»? Или: «а альтернатива»? И я спокойно ответила:

– Нет.

Он махнул своей длинной рукой, и экран на стене исчез.

– Мария Александровна, я восхищен устойчивостью вашей психики. Но иногда – поверьте моему опыту – все-таки стоит задавать вопросы. Тем более, когда собеседник готов на них ответить.

– Предпочитаю незнакомцам вопросов не задавать. Знаете, не люблю ответов, которые мне не понравятся.

– И в этом ваша ошибка. Полковник Герасименко и так к вам, и этак, а вы... взяли Батрышкина и сорвали нам всю игру. Пришлось вводить в разработку и вас. Как они со Светличным сопротивлялись...

Слышать это было не слишком-то радостно. Если бы Светличный захотел, то не отдал бы меня этим... Вера в начальника была безграничной. До его приказа сдать дела и вылететь на «Рассвет».

– Сомневаетесь? – правильно истолковал мое молчание Бьорг. – Напрасно. Пришлось привлекать тяжеловесов. Шектель разговаривал со Светличным сам.

– Какая честь, – сказала я предельно корректно, не позволяя прорваться в голос даже тени иронии.

– Мария Александровна, мы действительно сожалеем, что все получилось именно так. Но у вас больше нет выбора.

Это мы еще посмотрим. Выбор есть всегда, чаще мы просто не принимаем других вариантов. А я была готова использовать любую лазейку, любой, самый мизерный шанс, чтобы только вернуться к своей работе и нормальной жизни.

– Достаточно, Бьорг, – прошелестел другой женский голос с потолка.

Не Зои. Не искусственный интеллект.

– Проводите Марию в мой кабинет.

– Слушаюсь, – ответил Бьорг.

Я встала. Ну, поглядим, кто еще там хочет пообщаться. За пределами комнаты располагался большой холл круглой формы, по периметру которого находились одинаковые двери, скрытые за буйно разросшимися растениями в огромных напольных горшках. Куда там моему бальзамину! Посреди этого великолепия журчал фонтан с какой-то статуей. Да, секретчики не бедствуют – и это в условиях жесткой экономии ресурсов! На втором уровне над всей этой красотой находилась галерея, куда Бьорг предложил подняться по обычной лестнице. Здесь что, нет скоростных лифтов??!

– Штаб-квартира полностью имитирует виллу Баскалечче в области Северная Тоскана, – пояснил Бьорг.

Баскалечче? Никогда не слышала. Хотя... не там ли располагалась главная база Объединенного командования Военно-космическими силами времен Великих астрономических открытий?

По всей округности галереи тоже имелись одинаковые двери, причем, тут я и сама бы не заблудилась. Только на одной из них висела столь же старомодная, как и все здесь, табличка: «Стефания Олдридж, отдел инопланетных разработок». На всех остальных красовались мужские имена. И это сулило безрадостные перспективы, явно говоря о том, что просто так отсюда я не выйду.

За дверью находился вполне современный пропускной пункт, который Бьорг миновал после скана татуировки-звезды, а я... после очередной, на сей раз кратковременной, потери сознания. Очнулась я, сидя в глубоком мягком кресле, под такой разговор:

– ... говорила, что с ней стандартная схема не работает.

– Но я должен был попробовать, разве нет?

– Опять поспорили с Кроном?

– Нет, Стефани, как ты могла подумать!

– Вижу, вижу. Но это будет тебе хорошим уроком – не все женщины покупаются на любопытство.

– Да уж... У нашей Маши уникальная психоматрица, и...

– Пока что она еще не наша Маша, но, думаю, смогу ее убедить. Материала для анализа ты дал мне достаточно.

Ну-ну, поиграйте со мной в «доброе и зло».

– Мария Александровна, вы в порядке?

Бьорг, да с такой заботой! Совсем меня тут за дуру держат?

– В порядке, – я встала. – Капитан Афонасьева, особый отдел УВБЗ.

И впервые в упор взглянула на стройную, кукольной внешности, блондинку в таких же, как у меня, юбке и блузке. Она поднялась из-за стола, полностью отзеркалив мою стойку, и сказала:

– Подполковник Олдридж, Секретная служба. С капитаном Рейвенсоном вы уже знакомы.

Вообще-то нет, но кто здесь будет соблюдать формальности?

– Бьорг, назначаю тебя куратором Марии, – буднично продолжила она.

В каком смысле – куратором? Как-то это... чересчур!

– Дело в том, Мария – да, вы можете называть меня Стефани – что капитан Афонасьева больше не значится среди сотрудников УВБЗ. Но я могу поспособствовать тому, чтобы капитан – ну, скажем, Петрова – спустя определенное время вернулась к своим прежним обязанностям.

Ах, да... Как я могла забыть, меня же... похоронили! Ну ладно, поторгуюсь.

– Что вы предлагаете, Стефани?

– Мария, вы же все понимаете, – ответила она. – Я не могу разглашать детали, пока вы не дадите мне согласие.

Действительно, понимаю. Сама сколько раз работала по такой схеме. Но если это – тот самый шанс, мой билет в нормальную жизнь?

– Мария Александровна, – вступил Рейвенсон. – Вы же видели разговор Крона с заказчиком? Воскресни вы сейчас, сдав Секретную службу тем же журналистам, он, будьте уверены, найдет другого исполнителя.

И это тоже ясно. Хотя, кто меня отсюда выпустит, чтобы я побежала их сдавать?

– Мои гарантии?

– У ваших гарантий есть даже имя, – кукольное личико Стефани едва заметно передернулось. – Генерал Светличный обещал, что лично перевернет мой кабинет вверх дном, если мы не возвратим вас в УВБЗ.

Где-то внутри потеплело.

– Что я должна сделать для Секретной службы?

– Для начала дать нам письменное подтверждение вашей лояльности.

Ну да, ну да. Подписку о неразглашении. Вот только... Сначала я прочитаю все до последней запятой и с максимальным увеличением, а уж потом...

Но Стефани протянула мне отпечатанный на – с ума сойти! – бумаге файл. Пришлось читать с листа, стараясь быть очень внимательной.

– Это стандартный документ, – попробовал поторопить меня Бьорг.

Охотно верю. Только ситуация уж больно нестандартная. Вроде бы все нормально, но почему же не покидает чувство громадной подставы? Перечитала еще раз, и попросила стилус. Ах, да... Тут ж у них все натуральное, ретростиль... Подписываться, наверное, надо гусиным пером?

– Ручкой, – сказала Стефани и протянула мне что-то, весьма напоминающее обыкновенный стилус, только с каким-то стержнем на конце.

Подошла к столу, поставила подпись.

– Поздравляю, Мария, вы сделали правильный выбор, – похвалил Бьорг.

Не уверена, потому что... Секретчики – не самая подходящая компания. Для любого нормального человека.

– Мария, поздравляю, – повторила за ним Стефани и вдруг подмигнула мне. – Присаживайтесь, нам предстоит долгий разговор.

Теперь-то мне сообщат, наконец, что я должна сделать для Секретной службы? Но Стефани начала издали:

– Как вам известно, человечество давно наладило взаимовыгодные связи с внеземными цивилизациями.

Разумеется, каролы и стайпы. Уж лучше Дисциплинарная коллегия, чем эти мудрые и высокоразвитые! Точнее, высокоразвитые и мудрые, потому что первое определение четко

ассоциировалось с каролами, а вот второе... именно с обитателями четырех планет Стайп-Рея.

– Задолго до каролов и стайпов мы вступили в контакт с мьенгами.

Кто такие мьенги? А-а-а... Зеленые человечки! Планета-рай. Только ведь про них столько времени ничего не было слышно...

– Видите ли, – я старалась говорить максимально сдержанно. – Я не специалист в области межпланетных связей.

Стефани улыбнулась. Бьорг покачал головой.

– Этого от вас никто не требует. Сейчас я расскажу предысторию, и мы перейдем непосредственно к делу. Итак, мьенги – цивилизация биотехнологий. Представьте себе целую планету, на которой нет ни единого механизма.

Что-то подобное я слышала... Но не поверила.

– Зато там огромные запасы пресной воды, треть планеты покрыта нетронутым лесом, высоко развитое земледелие и постоянно пополняемые запасы кислорода. Вы понимаете, о чем я?

Кажется, да. Особенно в свете постоянных призывов правительства к экономии природных ресурсов.

– Земле нужны биотехнологии мьенгов?

– Вы совершенно правы. Нужны, и очень. Проблема в том, что мьенги не хотят ими делиться.

Ей-ё, при чем тут я?! Пусть этим занимаются послы-дипломаты, их зря учат договариваться с «чужими»?

– В последнее время возникли некоторые подвижки, и мы даже смогли увеличить состав представительства Земли на АстразетаРай на одного человека.

Гигантское достижение! И наверняка, этот человек – секретчик.

– И он смог добиться разрешения на проведения исследований земными биологами.

Отлично. Что же от меня-то хотят?!

– На планету отправился биолог Петров, лучший ученик и последователь Проскурина. Это было около полугода назад.

Проскурин? Тот самый первооткрыватель биоцивилизации? Это имя, наряду с именем Андронника, знал каждый школьник. Именно эти люди были героями эпохи Великих Астрономических открытий. Но, кажется, Стефани подбирается к сути?

– И что случилось с Петровым?

– Мария, а вы меня радуете. Он договорился с мьенгами о начале межпланетного научного сотрудничества с участием студентов Аграрной Академии. Экспедиция полностью подготовлена и вылетает на АстразетаРай через четыре дня. А неделю назад наш человек сообщил об исчезновении Петрова.

Так я и думала.

– Что говорят сами мьенги?

– Они с нами вообще не говорят. А посол-представитель Земли считает, что Петров просто задержался в лесах на юге второго континента.

Понятно. Свидетели всегда путают показания. Иногда преднамеренно, иногда – нет.

– Эта местность считается труднодоступной, – пояснил Бьорг. – Зои, дай изображение.

– Да, Бьорг, – ответил ИИ. – Даю второй континент, спутник «Рай-13».

Одна из стен тут же превратилась в гигантский экран, и я увидела бескрайнее зеленое море. По нему пробегали частые волны, и лишь спустя секунду до меня дошло, что это не море. Лес!

– Петров знал о сроках экспедиции? Разумеется, знал, ведь он о ней и договаривался. И не должен был отправляться на другой континент накануне прилета студентов. Тогда посол-представитель либо зарывает голову в песок, либо... все намного хуже.

– Очень хорошо, Мария. Мы пришли к таким же выводам. Зои, покажи Петрова.

Картинка тут же сменилась – к Стефани ИИ не обращался так запросто, как к Бьоргу. Просто выполнял приказы.

Я всмотрелась в незнакомое лицо. Волевой подбородок, чисто выбрит, глаза... Видела я такие глаза у одного маньяка. Им, психопатам, ничего не стоит положить за идею сотню человек. Нос прямой, волосы темные, кроме глаз и зацепиться не за что. Подтянутый, видно, что в кабинете не засиживался. Что опять же говорит в пользу версии секретчиков.

– Мария, в свете всего сказанного, вы понимаете, что отменить экспедицию мы не можем. Это наш шанс на сотрудничество с мьенгами. И на светлое будущее для наших детей.

Детей? Сомневаюсь, скорее внукам что-то перепадет, и то – не факт. Я не ученый, но даже неспециалисту понятно, что так быстро перестроить экономику Земли – за срок жизни одного поколения – не удастся. Даже если мьенги поделятся своими биотехнологиями, и они подойдут для людей.

– Это и ваш шанс, Мария, – продолжила Стефани. – Вы сможете исчезнуть со всех радаров, образно говоря, а когда вернетесь, Секретная служба уже решит проблему с заказчиками вашего убийства.

– Я должна лететь с экспедицией? В качестве кого?

– В качестве Марии Александровны Петровой... Дочери пропавшего биолога.

Я с сомнением посмотрела на скан Петрова. Ну, при современном уровне пластических технологий можно и добиться внешнего сходства... Наверное. Но ДНК? Код ДНК давно заменил межпланетные паспорта. Его-то не подделать?

– Дело в том, что состав экспедиции давно утвержден. Мьенги не пустят на планету человека, не внесенного в список. Для Машеньки Петровой сделали исключение – по личной просьбе Проскурина.

– Машенька работает секретарем Проскурина, – счел нужным пояснить Бьорг.

Ну и что?

– А Проскурин сейчас занимает пост ректора Аграрной Академии, да, той самой. Первой Земной.

Да к чему вы все клоните?! В Первой Земной Аграрной Академии научились подделывать человеческую ДНК? Это вы всерьез? Да мы бы знали!

– Итак, Мария, я должна еще раз спросить о вашем принципиальном согласии на проведение операции.

– Сначала я хочу узнать, каким образом вы собираетесь выдать меня за дочь биолога?

– Мы не собираемся выдавать вас за нее. Вы и станете ею.

– Как?

– Об этом – после того, как вы подтвердите свое согласие на участие.

А что еще для вас сделать? Сплясать, ей-ё, вприсядку?

– Подтверждаю.

– Зои, секретность по коду А.

ИИ опять не ответил, но на окна опустились жалюзи-блокираторы, а над дверью замигала красная лампа. Ого! Что же они придумали?

– Все просто, Мария, вы поменяетесь с Машей телами, – сказала Стефани обыденно.

Вот теперь я удивилась по-настоящему. Как так? Вот запросто взять и поменяться – отдать свое тело совершенно посторонней женщине?! Они тут совсем очумели?! Даже если абстрагироваться от того, что это нереально?

– Мой отдел занимается инопланетными разработками. Для нас нет ничего нереального, – опять улыбнулась Стефани.

– Я вам не верю.

– Верить не обязательно, – улыбнулся и Бьорг.

Они все тут... психи?!

– Если говорить на понятном вам языке, мы вступаем в преступный сговор, – Стефани сделала паузу, видимо, чтобы подчеркнуть значимость сказанного. – Вы в теле Маши Петровой отправляетесь на АстразетаРай, разыскиваете ее отца и обеспечиваете безопасность экспедиции, а мы решаем ваши проблемы на Земле, и, по возвращении, восстанавливаем вас на прежнем месте службы.

Да. Хорошо сформулировала. Но возникают два вопроса. Нет, пожалуй, три.

– Почему вам нужна именно я? Своих специалистов не хватает?

– К моему глубочайшему сожалению, мы еще ни разу не смогли произвести обмен телами между мужчиной и женщиной. А меня на эту операцию не пускает Шектель.

Ага. Из чего следует, что в этом Раю на самом деле не безопасно.

– Нет. Просто я – единственная женщина в отделе.

Ладно, сделаю вид, что поверила.

– Что будет с моим телом, пока я нахожусь в чужом?

– Его займет Маша Петрова. И продолжит работать в должности секретаря Проскурина. Безопасность мы гарантируем.

– Тело Маши Петровой – я хочу знать о нем все.

– Разумеется. Вы и с самой Машей обязательно познакомитесь. И с ее телом.

Лучше бы начать с дела.

– Технология обмена телами отработана?

– Обижаете, Мария Александровна, – скривил губы Бьорг.

– Но раз вы мне тут твердите про преступный сговор, это противозаконно?

– Скажем, это не узаконено официально. И, надеюсь, никогда не будет узаконено. Секретная процедура секретной службы.

Стоп-стоп-стоп! Так вот почему никто не знает их в лицо! Они просто меняют тела, как перчатки!!!

– Не преувеличивайте, Мария. Все не так ужасно, как вы подумали.

Да откуда она знает, что я подумала?! И ведь не в первый раз!

– Пока мне удастся просчитывать ваши реакции. Я здесь, – тут она скромно опустила глаза, – лучший аналитик. И, предваряя ваши дальнейшие вопросы, хочу сказать, что до процедуры обмена осталось не так много времени, а вам еще надо познакомиться с делом Маши и, желательно, с Михаилом Андреевичем.

– Проскуриным, – ответил на мой не высказанный вопрос Бьорг. – Мария, нам пора лететь в Тахонг.

То есть, в их подпольной лаборатории все же задействованы аграрные академики? Да, я знала, где находится Первая Земная. Про Тахонг даже песня есть – «Город в Монгольских бескрайних степях – город-красавец...». Как-то так. Кажется. А вот что Проскурин М.А. – это Михаил Андреевич, я совсем позабыла. Нехорошо.

– Я готова.

– А вы меня не разочаровали. Надеюсь на успех вашей миссии и, традиционно, желаю вам ни пуха, ни пера.

Странные у них тут традиции...

– К черту, – ответил Бьорг. – Зои, свободный кар.

– Секунду, Бьорг, – ответил ИИ.

Стефани усмехнулась и приказала разблокировать выход. И лишь после этого мы смогли покинуть ее кабинет. Оказалось, что милый домик секретчиков все же оснащен скоростным лифтом. И, судя по количеству кнопочек, насчитывал 47 подземных уровней. Мы вышли на минус восьмом. Там располагался обширный ангар, заполненный едва ли на треть. Сверхскоростными аэрокарами с разными эмблемами. Наряду с медицинской службой и службой спасения была и наша, УВБЗ.

Бьорг уверенно прошел к крайнему кару в освещенном ряду. На нем не было никаких знаков, кроме регистрационного номера.

– Удачного полета, – попрощался ИИ.

Послышался щелчок – двери открылись, и я, не дожидаясь повторного приглашения, быстро уселась на пассажирское кресло.

– Пристегнитесь, Мария, – велел Бьорг.

Пристегнулась и с интересом понаблюдала через прозрачную крышу, как высоко над нами расходится потолок, и где-то там синее небо. Хотя почему где-то? Кар свечкой взмыл ввысь – и вот она, синева.

– Включите борткомп, я приготовил для вас дело Маши Петровой.

Я молча протянула руку и коснулась теплой панели. Бортовой компьютер активировался не сразу, сначала Рейвенсону пришлось дать ему разрешение, а потом ввести код. Потом он бросил мне карту памяти и, приложив ее к считывающему порту, я, наконец, увидела воочию свое новое тело.

Оно было очень молодым и, с точки зрения мужчин, очень привлекательным. Я покопалась в памяти, и она выдала мне столь же древний, как с виду и вилла Барталечче, термин – сексапил. Этого сексапила в Маше было чересчур. А вот от всего остального мне захотелось взвыть.

Ручки-ножки тоненькие, худоба просто бросается в глаза. Коэффициент мышечной массы отрицательный! Она хоть раз на тренажерах занималась?! А... импланты? Ни одного?!!

– Разворачивайтесь. Я отказываюсь менять свое тело на... вот это.

– Не капризничайте, Мария, – мягко сказал Бьорг. – Вы справитесь, я в вас верю. К сожалению, чаще всего мы работаем в уже сложившихся условиях. Нет у нас другого варианта, кроме Маши.

– Вы не понимаете! Я не смогу выполнить задачу, будучи... в ней.

– Придется, Мария. От вас зависит будущее Земли.

Вот только не надо пафоса! Я... мое тело – мое оружие, ладно бы дали что-то не хуже, так нет!

– Я отказываюсь. Считаю, что миссия невыполнима.

– Что конкретно вас не устраивает? Миловидная девушка, все показатели по всем системам в норме, здорова, активна, что не так?

Он еще спрашивает??!

– Девушке всего двадцать один год. Как можно в ее возрасте довести организм до состояния полной детренированности?! Она же вообще ничем не занимается!

– Она работает.

– Я имею в виду – спорт. У меня в ее возрасте уже был черный пояс по тхи-тао и...

– Мария, – жестко перебил Бьорг, – вы забываете, что она обычный человек.

– Именно! – не сдавалась я. – Такие и становятся жертвами преступлений, потому что не могут дать преступнику элементарный отпор!

– Очень хорошо, – вкрадчиво проговорил Бьорг, делая аккуратный вираж, – значит, вы расписываетесь в собственной беспомощности? То есть знаменитый мозг капитана Афо-

насьевой – всего лишь миф? И все, чего вы добились, лишь последствия занятий боевыми искусствами?

Знаменитый мозг? Он... Да он... просто издевается!

– Очень жаль, Мария, очень, – продолжал сокрушаться секретчик. – А Светличный говорил о вас, как об одном из лучших своих аналитиков. Если остальные сотрудники УВБЗ еще меньше используют свой интеллект, я искренне сочувствую генералу.

Так. Вот не надо пытаться взять меня на «слабо». Бессмысленно и бесполезно. Но за ребят обидно. И за Светличного.

– А врать мне не стоит. Светличный – фигура не вашего уровня.

– Я же не утверждаю, что он говорил со мной. Он говорил о вас, и если вы, несмотря на все недовольство, завершите миссию успешно, то услышите запись его слов.

Вот еще. И без него знаю, что генерал мог сказать о своевольной подчиненной. У Светличного вообще богатый словарный запас.

– И, кстати, если вас не устраивает тело Маши, всегда можно начать с базового комплекса для новичков, а там уж... мы поощряем стремление к совершенству.

Он точно издевается.

– Я занимаюсь всю жизнь и знаю, о чем говорю. Сделать чужое тело совершенным за время небольшой студенческой экспедиции невозможно.

Тут меня посетила не совсем приятная мысль. Может быть, я неверно представляю себе масштабы этой... аграрной затеи? И экспедиция продлится много лет? Я с подозрением уставилась на Бьорга:

– Сроки выполнения задания?

– Мьенги дали допуск на стандартный месяц. Но если все пойдет хорошо, мы надеемся на продление...

Я выдохнула. Ну и что он мне тут втирает? Как я успею за это время что-то сделать – вообще, а не только с телом. На огромной планете найти пропавшего биолога – за стандартный месяц?!

– Вы ставите заведомо невыполнимую задачу. Хотя бы какие-то зацепки по Петрову есть?

– Мария, вы забываете про нашего человека на АстразетаРай. По прибытии может оказаться так, что он уже нашел биолога.

– Это единственный выход, потому что... в теле Маши я вряд ли смогу принести вам пользу.

– Сможете, Мария, сможете. Или вы – не Мария Афонасьева?

Гад! Не поведусь!

– Мария Афонасьева умерла.

– Да, как я мог забыть! Мы же не обговорили с вами, какую фамилию вы хотите получить при восстановлении на службе в Управлении безопасности. Простите, нужно было спросить раньше. Но...

Да плевать. Какая разница?

– Мне все равно.

– Совсем? Тогда предлагаю Петрову. Очень удобно. Представляете, сколько в мире Марий Петровых? И как легко вам будет с такой фамилией?

– Петрова – так Петрова. Говорю же – все равно.

Миссия невыполнима. Значит, впереди меня не ждет никакое восстановление. Даже в том случае, если секретчики исполнят свое обещание, я-то свою часть сделки, благодаря негодному телу, завалю. Как же паршиво!

– Мария, мне не нравится ваш настрой.

– Отправьте меня туда в моем родном теле, и я гарантирую результат.

– Это невозможно. Сканы и ДНК всех членов экспедиции уже у мьенгов.

– Почему нельзя задействовать тела студентов? Или в экспедиции нет ни одной женщины?

– Есть. Но их миссия так же важна для Земли, как и ваша. Мы должны рационально использовать все ресурсы. И, если на то пошло, ваше замечательно тренированное тело не смогло ничего сделать против высокой дозы снотворного.

Эпитеты закончились. С-с-секретчики... Отставить эмоции! Мария, соберись!

Я не позволила себе даже сжать зубы. Напротив, мило улыбнулась и продолжила:

– И переводчик – мужчина?

– Переводчик – женщина, – ответил Бьорг. – Но и ее задействовать в операции нельзя, поскольку...

– Дайте угадаю. Ее миссия столь же важна?

– Тело у нее еще менее подготовлено.

Так не бывает – куда еще-то? Теперь я понимала, откуда возникло то чувство громадной подставы.

– Но хотя бы импланты можно поставить?

– Мария, вот скажите мне, сколько у вас имплантов?

Да будто он не знает. Четыре. Два детоксиканта, анальгетик и противоинфекционный. Как раз через пару месяцев планировала поставить пятый – усилитель. Стоп. Бьорг хочет сказать, что и импланты мне не помогли в ситуации с ядом?! Мерзавец Крон! Да все они мерзавцы! И мерзавки – не буду никого обделять.

Но я – все еще Мария Афонасьева, чтобы там себе не думала на этот счет Секретная служба! Я выкручусь. Даже если придется прыгнуть выше головы. И тогда посмотрим, что вы скажете про мой «знаменитый мозг»!

Бьорг по-своему истолковал мое молчание.

– Мария, сами посудите, ни один из стандартных имплантов не поможет в условиях другой планеты.

Я ухватила за слово «стандартный»:

– Пусть сделают то, что поможет. Никогда не поверю, что у Секретной службы нет доступа к космическим разработкам.

– Ладно, – вдруг согласился секретчик, – я поговорю на этот счет с руководством. Ничего не обещаю, сами понимаете, но... вдруг.

Вдруг. Такое ощущение, что всю эту операцию они готовили под грифом «вдруг». Да если бы я так работала, то...

– У вас есть дела других участников экспедиции? На кого-то я могу рассчитывать?

– Только на себя, Мария. Контакт с нашим человеком – в исключительных случаях.

– Ясно. Связь с Землей?

– Только из помещения посольства-представительства. Канал Тахонга. Если нужно будет что-то сообщить мне, обращайтесь к Проскурину.

– Проскурин тоже секретчик?

Я старалась ничем не показать свое разочарование, но, видимо, оно было настолько сильным, что... Бьорг проникся.

– У вас сложилось превратное мнение о наших сотрудниках, Мария. И, откровенно говоря, я не совсем понимаю, почему. Ведь вы же – не простой обыватель, а...

– Вы не ответили на мой вопрос, – перебила я.

Распинаться о том, как лояльно следует относиться к секретчикам, можно долго. Но, извините, не при мне.

– Проскурин сотрудничает с нами, но, в данном случае, все проще. Он будет в эфире, а я буду рядом.

А еще рядом будет мое тело... Выполняющее функции секретаря ректора Первой Земной.

– Я ваш куратор, Мария, спрашивайте, никогда не стоит стесняться задавать вопросы.

– Я уже задала. Как я могу посмотреть дела остальных членов экспедиции?

– Мы скоро прилетим. На месте я предоставлю вам все материалы, а пока – список студентов и дело их научного руководителя – устроят?

– Давайте.

Бьорг бросил мне другую карту памяти, и я углубилась в дело. Илья Петрович Двинятин, 39 лет, биолог, биотехнолог, ПЗАА, зам. зав. секции биотехнологий мьенгов, степень такая-то, степень ская-то, не женат, не привлекался, научные работы... Дальше шел список длиной в четыре страницы. Скажу честно, после первых двух заголовков я уже больше ничего не читала. На таких словах можно запросто язык сломать.

Наверное, такой же фанатик, как и Петров. Хотя по скану не скажешь. Глаза умные, но взгляд скорее рассеянный, скулы широковаты, подбородок зарос щетиной, а уголки губ слегка приподняты, будто их хозяин раздумывает – улыбнуться или нет. Худощав, но в меру, мышцы присутствуют, а остальное – при знакомстве. В целом мнение о нем положительное.

Теперь студенты. Ну что... по списку:

Джеро Анастази;

Дегри Серж;

Климов Павел;

Комаровски Владис;

Логинов Андрей;

Максимова Татьяна;

Милешин Михаил;

Поделан Сунибхо;

Серов Аркадий;

Смит-Дакота Лайза;

Сэтмауер Кирилл;

Тулайкова Елена;

Тхао Лоонг;

Ю Ингвар.

Третий курс, факультет биотехнологий. Четырнадцать человек, плюс Двинятин, плюс переводчик. Итого, шестнадцать... поводов для головной боли.

– Все третьекурсники? Почему – они?

– Они лучшие, – доходчиво пояснил Бьорг. – Надежда Земли.

– Кто-нибудь знает о том, что Петров пропал?

– Из них? Нет.

– А вообще?

– Его дочь и Проскурин.

– Я – знаю?

– А вы – нет. Вы просто летите навестить отца, которого не видели более полугода.

– То есть, мне предстоит изображать...

– Милую испуганную девочку, в которой никто не должен заподозрить агента Секретной службы.

Испуганную? Нет, я, конечно, смогу... Наверное.

– А это обязательно? Можно без особых эмоций? Я же не профессиональная актриса.

– Можно. Но чтобы вас не заподозрили ни при каких обстоятельствах. Подлетаем, Мария Александровна, приготовьтесь.

К чему? К посадке? А... Челюсти лязгнули, смыкаясь, в момент, когда кар стал падать – просто падать вниз.

– Двигатель включи! А-а-а!!!

Секретчик мой вопль проигнорировал. Ну, вот и все. С такой высоты – даже хорошо будет нечего. Я не зажмурилась, хотя очень хотелось. Все-таки смерть надо встречать с открытыми глазами. Но примерно на высоте 300 метров падение вдруг замедлилось (высоту определила, потому что когда-то нас обучали прыжкам с аэродосками). Бескрайняя монгольская степь мягко расступилась под нами, и кар рухнул в такой же подземный ангар, как и в точке отправления. Только здесь его приняли магнитные подушки.

– Трудно было предупредить? – рявкнула я.

– Я предупредил, – флегматично отозвался Бьорг. – Поторопитесь, нам еще в Академгородок.

До града аграрных академиков мы добрались по ветке монорельса, проложенной частично под, частично над землей. Надо сказать, что вагон был совсем пуст, и, насколько я поняла, приспособлен под нужды секретчиков.

А дальше пришлось идти пешком, то и дело лавируя между спешащими студентами. Перед длинноруким Бьоргом они просто расступались. Может, присмотреться к нему получше?

– Нам в административный корпус, – бросил он на ходу.

Догадалась, хотя... Привыкай, Мария. В теле Маши так к тебе будут относиться все.

В административном корпусе нас встретили приветливо. Можно сказать, под ручки отвели на ректорский этаж. Там, кроме секретариата, располагались, кажется, архив и кадровая служба, но я на этом внимания не заостряла. Зато, взглянув в большое зеркало, отметила, что выгляжу как обычно. Без зеленых линз – так даже и лучше.

– Волнуетесь? – шепнул Бьорг.

– О чем? – без эмоций ответила я.

Конечно, волновалась. Абсолютно спокойны только трупы. Секретчик понимающе усмехнулся – тебя бы, гад, на мое место! – и приложил ладонь к панели рядом с шикарной дверью – белой, из матового стекла посередине, с никелевыми накладками по бокам. Дверь тут же отъехала в сторону, пропуская нас в огромную приемную. Там стояли диваны, стулья и кресла – в несколько рядов, горшки с экзотическими растениями – на полу и нескольких стеллажах с подсветкой – и гигантских размеров стол с несколькими мониторами и кучей визоров.

Там, за столом, я увидела, наконец, живую свое будущее тело. Так и есть, ручки-ножки тоненькие, зато рельеф виден со всех сторон: грудь, талия, бедра, все как у рекламной девушки. Глазищи голубые, локоны с пепельным отливом, на щеках умильные ямочки, губки, зубки...

– Машенька, Проскурин у себя? – поинтересовался Бьорг.

Ни здравствуйте вам, ни до свидания?

Но сексапильная блондинка просияла на него своей улыбкой и ответила:

– Проходите, Михаил Андреевич вас ждет.

У меня чуть скулы не свело от такой реакции на секретчика. С другой стороны, она же может и не знать, кто такой Бьорг. В любом случае, с девчонкой надо налаживать контакт, потому что у нее останется мое тело! И я не хочу, чтобы за месяц она его запустила так же, как свое. Поэтому я тоже мило улыбнулась и сказала:

– Добрый день. Я Мария. А вы – Маша?

– Здравствуйте, Мария, – тепло ответила она. – Только у нас уже вечер. Проходите, пожалуйста, в кабинет.

– Мария! – прогремел за стеной глас Рейвенсона.

И я вошла, оставив Машу за дверью.

Всемирно известный ученый и первооткрыватель планеты-рая стоял у окна и разглядывал меня. Я, в свою очередь, уставилась на него во все глаза. Если Проскурин и постарел, то совсем немного. Глыба, а не человек! Он был немного выше, чем я себе представляла, плечи и руки, как у борца, живот, правда, слегка выпирал, но когда мужчине за сто, это уже не так важно.

Лицо и лысина самого знаменитого аграрного академика потемнели от загара. Не удивительно, ведь в Тахонге больше всего солнечных дней (опережает его только безусловный рекордсмен – пустыня Калахари), а Михаил Андреевич, видимо, продолжал регулярно бывать на всех подконтрольных ему полях, степях и опытных делянках.

Между тем Бьорг представил меня, как лучшего оперативника особого отдела УВБЗ.

Темные глаза из-под морщинистых век последний раз обвели всю мою фигуру, и Проскурин спросил:

– Почему она?

– Она – лучшая, – ответил Бьорг.

– Вы повторяетесь. Милая барышня, чем вы заслужили доверие Секретной службы, и почему я, – это местоимение он выделил голосом, – должен доверить вам безопасность экспедиции?

Это снисходительное «барышня» – даже не из прошлого, из позапрошлого века! – окончательно вывело меня из себя. А когда меня выводят из себя, я становлюсь... Неважно.

– Я не просила о доверии. Ни у Секретной службы, ни, тем более, у вас. Более того, огромным удовольствием будет узнать, что не подошла для вашей великой миссии, и вернуться назад.

– Дерзит? – спросил Проскурин у Бьорга, на что тот покачал головой и ответил:

– Нервничает немного. Но на самом деле Мария справится.

– Тем более, что никого другого Секретная служба на мое место не выделит, – продолжила я. – Нет у них других, как вы говорите, барышень.

Бьорг усмехнулся уголком губ:

– У нас никаких нет, Михаил Андреевич. Мария – высококлассный специалист. У нее самая лучшая раскрываемость, а вашего ученика и друга надо искать. Она найдет, у капитана Петровой мертвая хватка.

– Как я вижу, капитану Петровой тоже не предоставили выбора? Нет-нет, не стоит, – остановил Проскурин готового начать защитную речь Бьорга. – Я все понимаю, это ваша работа.

А он соображает. Вот только это его всепонимание... Ладно, надо брать быка за рога, ведь Проскурин – мой единственный свидетель, способный рассказать о том, что ждет на Зеленой планете. И поскольку я все еще была не в себе, то начала допрос стандартно:

– Михаил Андреевич, вспомните и расскажите о том, что вы видели. – Опомилась и добавила: – На планете Рай, я имею в виду.

Бьорг расхохотался. Через пару секунд я тоже позволила проявиться улыбке, а Проскурин удивленно переводил взгляд с меня на веселящегося секретчика.

– Вот видите, – сквозь смех проговорил последний, – я же говорю, у нее хватка... железная! Это она вас допрашивает, – и он опять рассмеялся.

Проскурин скупно улыбнулся и спросил:

– А что, вы не предоставили капитану Петровой никаких материалов по цивилизации мьенгов?

Как это типично для свидетелей... Вот все стремятся переложить ответственность на уже готовый носитель информации. «Видели запись?», «Я уже все рассказал вон тому сержанту...», ну, и так далее...

– Михаил Андреевич, – ждать ответа Бьорга я не собиралась, – от вас просто удивительно слышать подобное... Ведь вы, как никто другой, должны понимать значимость информации из первоисточника. Вы были там и все видели своими глазами! Так расскажите!

Бьорг продолжал посмеиваться, но, тем не менее, вмешался:

– Михаил Андреевич, материалы Мария обязательно посмотрит, но было бы очень неплохо рассказать ей о вашем видении ситуации. Вы располагаете временем?

– Хорошо. Вам по порядку?

Я с энтузиазмом закивала. И Проскурин рассказал, что планету Астразета-R-альфа-1i населяют мьенги, удивительные создания, которые пошли по пути единения с природой своего мира. Они постигают сущее не извне, как наблюдатели – это свойственно людям, а погружаясь вглубь. Дальше следовали термины, которые я без словаря не воспроизведу. Но по сути все было ясно – мьенгам не понравилось потребительское отношение людей к природе, поэтому они быстро свернули все контакты.

Проскурин долгое время был единственным, кто смог заслужить их уважение. И, насколько я понимаю, именно он добился разрешения на открытие Земного посольства-представительства.

– Расскажите про посла-представителя. Он знаком вам лично?

– Да, разумеется. Хон замечательный биолог, для него возможность постоянно находиться на...

– Биолог? – сочла возможным перебить академика я. – Как биолог может возглавлять наше посольство, разве для этого не нужно специальное образование?

– Мьенги не позволили бы обычному человеку остаться на планете. Они каким-то образом мгновенно определяют наш статус. И его взаимосвязь с окружающим миром.

– То есть, – я перевела вопрошающий взгляд на Бьорга, – там нет ни охраны, как в любом нормальном посольстве, ни...

– Служба безопасности есть, – ответил тот, – капитан Сергиенко – биолог-любитель, на Земле давно бы вышел в отставку по выслуге лет, но заменить его на АстразетаРай некем.

Роскошно. Да все эти биологи потому и не могут договориться с мьенгами, что не умеют!

– Кто еще из людей находится на планете?

– Секретарь посольства – жена посла-представителя, их дочь – школьница – и советник по культуре.

Вот и человек секретной службы.

– Хорошо. Расскажите мне о Петрове.

– Саша... мой ученик. Он настолько проникнут идеей создания единой нообиосферы – среды, в которой человек гармонично сосуществует со своей планетой, что мьенги приняли его с распростертыми объятиями. И его результаты впечатляют...

Дальше опять шли неперебиваемые на нормальный язык термины, из которых я разобрала только один – биотехнология.

Все это замечательно, но как я должна искать Петрова – по результатам его работы?

– Простите, а что за человек Александр? Я имею в виду – склонен ли он к риску или, наоборот, осторожен, эмоционален или закрыт, что любит...

– А, да, конечно. Саша очень хороший, добрый и общительный. Да это вы лучше у Машеньки спросите, все же мы с ним больше говорим на профессиональные темы, а она – его дочка...

Добрый и общительный? Как-то не вяжутся эти определения с маньячным взглядом Петрова.

– Хорошо. Тогда еще один вопрос – почему вы считаете, что он пропал, тогда как посол-представитель уверен в обратном? Или это безоговорочное доверие к Секретной службе?

– Саша должен был выйти на связь со мной – как обычно, мы договорились об использовании канала посольства – и не вышел. Он очень ответственный, знает, что я жду его сообщения, и обязательно бы отослал мне все материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.